

Научная статья

УДК: 821.161.1

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9743

Об одной эпитафии Димитрию Ростовскому (К истории жанра эпитафии в XVIII в.)

М. А. Федотова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: fedotova_m@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эпитафия Димитрию Ростовскому, написанная на Украине в период после смерти митрополита в 1709 г., но еще до его официальной канонизации в 1757 г. В отличие от двух других, хорошо известных эпитафий, посвященных святителю (надгробного слова Стефана Яворского и надписи М. В. Ломоносова, выгравированной на серебряном киоте его надгробного комплекса), этот текст, принадлежащий к жанру силлабической эпитафии, являлся подписью к прижизненному портрету Димитрия, хранившемуся в Новгород-Северском Спасо-Преображенском монастыре. Эта эпитафия, безусловно, как и первые два текста, может быть охарактеризована как барочное сочинение, но в то же время она значительно отличается от них по содержанию и стилистике: в нем нашли свое отражение другие художественные явления барочной поэтики — а именно: черты синтеза, соединения иконографического образа и подписи, иллюстрации и текста, слова и изображения. Портрет-икона с виршами посредничеством духовника императрицы Елизаветы Петровны Федора Дубянского была доставлена в Ростов митрополиту Арсению (Мацеевичу) и долгое время находилась при гробе святителя Димитрия в интерьере Троицкого (Зачатьевского) монастыря. Данная эпитафия отражает украинскую традицию, где у могил архиереев, ктиторов вешались их портреты с эпитафиями и фамильными гербами. Остается открытым вопросом, кто был автором этой эпитафии Димитрию Ростовскому: совершенно очевидно, что им был представитель украинской элиты, хорошо знавший биографию Димитрия. Возможно, это был Иоанн (Максимович) — будущий митрополит Гобольский. Местонахождение подлинной иконы с подписью сейчас неизвестно, сохранилась только ее копия в музее Киево-Печерской лавры. Бытование этой эпитафии продолжилось в рукописной традиции в другом жанре: она известна в нескольких списках, и ее текст воспроизводился и воспринимался отдельно от иконографического образца в качестве агиографического сочинения (виршевого жития), которое послужило в свою очередь источником для других житийных памятников, посвященных Димитрию Ростовскому и созданных уже после его канонизации. Дальнейшая судьба этой эпитафии также связана с явлениями новой культурной эпохи, в которой разные виды искусства не только дополняли друг друга, но и вели к расширению художественной выразительности,

к созданию, взаимодействию и взаимозаменяемости новых художественных форм, эволюции жанровой природы, что, безусловно, важно при изучении поэтики жанров XVIII в.

Ключевые слова: эпитафия, стиль барокко, эволюция жанров, иконография, агиография, проблемы атрибуция, источниковедение, канонизация, Димитрий Ростовский, Иоанн Максимович

Для цитирования: Федотова М. А. Об одной эпитафии Димитрию Ростовскому (К истории жанра эпитафии в XVIII в.) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 190–214. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9743

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9743

On an Epitaph to Dimitry of Rostov (on the History of the Epitaph' Genre in the 18th Century)

Marina A. Fedotova

The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

The Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: fedotova_m@mail.ru

Abstract. The article analyzes an epitaph dedicated to Dimitry of Rostov. It was written in Ukraine after the death of the metropolitan in 1709, but before his official canonization in 1757. Unlike the two other well-known epitaphs dedicated to Saint Dimitry (the funeral oration by Stephen Yavorsky and the inscription by Michail Lomonosov engraved on the silver icon case of his tomb complex), this text, which belongs to the syllabic epitaph genre, was an inscription under Dimitry's lifetime portrait that was kept in the Novgorod-Seversky monastery. This epitaph, like the first two texts, can be clearly characterized as a baroque text, however, it differs significantly from them in content and style. It reflects other artistic phenomena of baroque poetics and has the features of synthesis, a combination of an iconographic image and signature, illustrations and text, words and images. The portrait-icon with verses was delivered to Rostov to metropolitan Arseny (Matseevich) through Fyodor Dubyansky, the confessor of Empress Elizabeth Petrovna. For a long time, it was preserved at the tomb of St. Dimitry in the interior of the Trinity (Conception) monastery. This epitaph reflects the Ukrainian tradition, in which portraits with epitaphs were hung at the graves of bishops and churchwardens. Who was the author of this epitaph to Dimitry of Rostov? It was most certainly a representative of the Ukrainian elite who knew Dimitry's biography very well. Perhaps it was Ioann (Maksimovich), the future metropolitan of Tobolsk. The location of the original icon with the inscription is unknown, but a copy has survived in the museum of the Kiev-Pechersk monastery. However, this epitaph continued to exist in the written tradition. Several copies of it are known, and its text was reproduced and perceived separately from the iconographic model as a hagiographic text.

It served, in turn, as a source of other such texts dedicated to Dimitry of Rostov and created after his canonization. The subsequent fate of this epitaph is also associated with the phenomena of the new cultural epoch, in which different types of art did not merely complement each other, but also led to the expansion of artistic expression, to the creation, interaction and interchangeability of new artistic forms, evolution of genre, which are undoubtedly important for the studying the genre poetics of the 18th century.

Keywords: epitaph, baroque style, evolution of genres, iconography, hagiography, problems of attribution, source study, canonization, Dimitry of Rostov, Ioann Maksimovich

For citation: Fedotova M. A. On an Epitaph to Dimitry of Rostov (on the History of the Epitaph' Genre in the 18th Century). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 190–214. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9743 (In Russ.)

Хорошо известны и изучены два стихотворных текста, посвященных Димитрию Ростовскому и относящихся к жанру эпитафии, — это надпись на серебряном киоте с портретом кисти П. Ротари [Мельник, 2008: 73], атрибутируемая М. В. Ломоносову, и написанное силлабикой надгробное слово Стефана Яворского «Стихи памяти смертной, всякому нелестной», произнесенное им во время погребения ростовского святителя. Оба сочинения, без сомнения, могут быть отнесены к стилю барокко, входящему в нач. — сер. XVIII в. в новую фазу своего развития, сопряженного с петровскими преобразованиями. Так, богословское содержание барочных проповедей Стефана Яворского, осмысляющих не только нравственные, но и гражданские ценности, в последнее время все чаще рассматривается в свете «имперских амбиций России» [Киселева: 1], а риторическая «громкость» стихов М. В. Ломоносова, все еще отвечающая устремлениям Петровской эпохи, соотносится с «общей традицией метафорического стиля, раскрывшегося в петровском барокко» [Морозов: 34].

Эпитафия, написанная Стефаном Яворским в 1709 г.¹, как справедливо заметила Л. Б. Сукина, с одной стороны, описывает конкретное действие, участниками которого были слушатели и читатели текста, с другой — является наставлением к читателю, призывом к просвещению в вере, характерным для латинизированного богомыслия как Стефана Яворского, так и Димитрия Ростовского [Сукина]. Деление данного текста

на две части (одна — с ярко выраженным религиозно-философским началом, вторая — с описанием конкретного события) привело к тому, что в одной из рукописей части эпитафии приписываются разным авторам: первая часть атрибутируется самому Димитрию Ростовскому, а вторая — Стефану Яворскому. Запись перед первой частью стиха (нач. «Взираи с прилежанием, тленны человече...») гласит: «Стихи того ж Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, на память смертную сочиненныя и над гробом его поставленныя, яже всякому потребны благочестивому читателю»; запись перед второй частью стиха (нач.: «Преселила есть ныне пастыря крепчайша...») свидетельствует: «Стихи, приложенные к вышеозначенным стихам преосвященным Стефаном, митрополитом резанским и муромским, бывши при погребении приснаго своего любителя и от всея души своя к нему ревнителя Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца»². Атрибуция Димитрию Ростовскому данного текста в целом вполне закономерна, так как в творчестве Димитрия характерные для барочной эстетики сочинения-медитации есть: укажем хотя бы на «Краткое рассуждение о смерти», или «Слово Димитрия Ростовского, сочиненное в некую окянства своего пользу» (нач.: «Вем восхождение мое на исхождение, житие на сокращение...»).

Для эпитафии, как ни для какого другого жанра религиозно-философской лирики, характерны медитации на темы ничтожности земного существования, смерти, рассуждения о Судном дне, загробной судьбе человека. Однако в эпитафии Стефана Яворского доминирует не трагическая тема, а дидактико-моралистическое начало, это, прежде всего, учительное слово, проповедь благочестия, богомысленное размышление. Еще более ярко выраженный призыв к «богомысленному размышлению» читается в стихотворной строфе, авторство которой приписывается М. В. Ломоносову:

«О, вы, что Божество в пределах чтите тесных,
Подобие Его мя быть в частях телесных!
Вперите в мысль, чему Святитель сей учил,
Что ныне вам гласит от лика горних сил:
“На милость Вышняго, на истину склонитесь,
И к матери своей вы церкви примиритесь!”»³.

Эти строки являются заключительным аккордом эпитафии-надписи, выгравированной на серебряном киоте:

«Всемогущий и непостижный Бог чудными искони делами явил святую свою великолепную славу и во дни наши: в благословенное государствование благочестивейшия, самодержавнейшия, великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, новыми чудотворениями в России просиявшего, здесь почивающего святого мужа, просвященнейшаго митрополита Димитрия Ростовскаго и Ярославскаго, отдавшего Божие Богови верою, кротостию, воздержанием, учением, трудолюбием; цесарево цесареви ревностию и терпением, поборствуя Петру Великому против суемудреннаго раскола.

В Богоспасаемом граде Киеве родился сей житель небеснаго Иерусалима около 1650 года⁴. Ангельский образ принял 18-ти лет. На святительский престол возведен генваря 4 дня 1702 года. Пас церковь Божию 7 лет 9 месяцев 26 дней. Жив 60 лет, в вечный покой переселился 1709 года октября 28 дня. Написав жития святых, сам в лик оных вписан быть удостоился в лето 1757 апреля 9 дня»⁵.

Поэтическая строфа М. В. Ломоносова, посвященная Димитрию Ростовскому, по структуре и содержанию близка к одическому жанру, одической форме, к которой поэт прибегал, когда говорил и о значении науки и просвещения, и о величии явлений природы, и о предметах религиозных. В «посвящении Димитрию», высоко оценив в надписи «учение» и «трудолюбие» святителя, М. В. Ломоносов остается верен своим ранее выработанным принципам: в полных религиозного чувства строках, в которых читается критика старообрядческого учения («О, вы, что Божество в пределах чтите тесных, / Подобие Его мя быть в частях телесных»), содержится и авторский призыв-монолог об устремленности человеческого сознания к познанию и истине.

Кроме этих двух эпитафий, существует еще одна эпитафия, адресованная Димитрию Ростовскому. Она, безусловно, как и первые два текста, может быть охарактеризована как барочное сочинение, но в то же время значительно отличается от них по содержанию и стилистике.

Об истории ее написания нам известно следующее.

1 декабря 1757 г. духовник императрицы Елизаветы Петровны Федор Дубянский⁶ прислал в Ростов митрополиту Арсению (Мацеевичу) портрет-икону⁷ Димитрия Ростовского, сопроводив ее письмом:

«Преосвященнѣйший Владыко, мнѣ премного милостивый отец и Архипастырь!

По милостивому Вашего Преосвященства писанию с присланного из Новгорода Съверскаго от Преосвященнаго Арсения⁸ образа, иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского, новоявленного чудотворца поясной образ списан, которой, також и подписанныя под тѣм настоящим образом стихи, на первой случай к Вашему Преосвященству при сем в нарочно здѣланном ящикѣ посылаю, а впредь можно доложить Ея Императорскому Величеству, чтоб писать подрядить искусного мастера с настоящего образа точно и во всю мѣру⁹.

В прочем, поручая себя Вашего Преосвященства неотмѣнной отеческой милости, Архипастырскому благословиению и богоугодным святительским молитвам, с моим вседолжным почтением пребуду Вашего Преосвященства, мнѣ премного милостиваго отца и Архипастыря, всѣх благ усердный желатель и покорнейший слуга духовник протоиерей *Федор Дубянский*.

Декабря 1 дня 1757 года. С.-П. бург»¹⁰.

Этому письму и отправке в Ростов иконописного образа Димитрия Ростовского предшествовала переписка императрицы Елизаветы с Арсением (Могилянским). Так, в августе 1757 г., сразу после канонизации Димитрия, Елизавета Петровна писала Арсению (Могилянскому) в Новгород-Северский:

«Преосвященный владыко, уведомились мы, в том монастыре, где Ваше Преосвященство обретаетесь, имеется изображение персоны святаго Димитрия митрополита, новоявленного ростовского чудотворца, списанное, когда оный святой Димитрий в том монастыре еще архимандритом находился»¹¹.

В ответ Арсений (Могилянский) писал:

«Вашего Императорскаго Величества на высочайший указ, повелевающий мне, низжайшему, изображение персоны святаго Димитрия митрополита, новоявленного ростовскаго чудотворца, списанное, когда оный святой Димитрий в здешнем монастыре еще архимандритом находился, прислать к Вашему

Императорскому Величеству, раболепнейше доношу: что изображение персоны онаго святаго Димитрия митрополита, какое было в здешнем монастыре, по письму Вашего Императорского Величества духовника, присланному ко мне прошлого июля 23 дня, отправлено от мене ко двору Вашего Императорского Величества к нему, духовнику, того ж июля 26 дня. Вашего Императорского Величества всенижайший раб и богомолец смиренный Арсений архиепископ 1757 года августа 15 дня из Спаского монастыря Новгородка Северскаго»¹².

Сам портрет нам обнаружить не удалось, но сохранился список с этого образа, который в настоящее время хранится в Национальном Киево-Печерском историко-культурном заповеднике (Киево-Печерской лавре, КПЛ-Ж-205). Это «образ конца XVIII — нач. XIX в. на доске, сравнительно небольшого размера», дополненный накладной серебряной митрой, в нем «наличествуют все детали первоначального портрета», на нем изображен герб, но самое главное имеются вирши, повествующие о жизни Димитрия Ростовского [Зеленина, 2007: 25; Зеленина, 2008: 405]¹³.

Где стоял этот портрет-образ Димитрия с виршами, присланный Федором Дубянским, в каком месте он украшал надгробие, неизвестно¹⁴. С самого начала развития надгробного комплекса там находилось не одно изображение святого Димитрия¹⁵. Трудно отождествить этот образ с каким-либо портретом или иконой, стоящими при гробе в интерьере Троицкого (Зачатьевского) монастыря. Опись собора 1757 г. его еще не отражает, хотя А. Г. Мельник, обнаруживший эту опись, пишет, что «*поверх наружной гробницы* (курсив наш. — М. Ф.) располагалась “картина святого Димитрия, митрополита Ростовскаго, писанная на холсте”» [Мельник, 2008: 60], а в 1760-е гг. в надгробный комплекс входил уже «необыкновенно монументальный, 6 аршин в высоту и 3,25 аршина в ширину (4,26×2,31 м), серебряный киот, в который был вставлен образ Димитрия “на полотне”, кисти известного итальянского художника П. Ротари» [Мельник, 2008: 62]¹⁶. Ни один из этих «образов» не соотносится с «живописным художественным изображением», присланным Федором Дубянским, но свидетельства того, что этот портрет стоял у гроба святого Димитрия имеются. Во-первых, в одной из рукописей

(речь о них будет далее), в которой сохранился список виршей с портрета, сказано: «Подпись на образе святителя Димитрия, которой *стоит* у гроба большой» (курсив наш. — М. Ф.)¹⁷. Во вторых, об этом образе свидетельствует одно из чудес Димитрия Ростовского о крещении абыза Кушлука Танчураева (Стефана Алексева сына Корнильева), в нем, в частности, говорится:

«А как повидѣл присланный из Санкт-Петербурга в Ростов к его архипастырству Святѣйшаго Правительствующаго Синода члену преосвященнѣйшему Арсенію, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, нынѣшняго году в сентябре мѣсяце ея императорскаго величества от духовника отца протоиерея Феодора Яковлевича Дубянскаго живописным художеством изображенный, в архиерейском одѣянии сущей онаго святителя Христова Димитрия образ, списанный с написаннаго еще при жизни того святителя, то воистинну засвидѣтельствовал он, Стефан, яко таков бѣ лицом точно явивыйся ему в монашеском одѣянии Димитрій Ростовскій»¹⁸.

Главной особенностью этого образа являются вирши, писанные, как мы полагаем, из-за своего объема на нижнем поле иконы.

Стихи в жанре подписи для иконы (гравюры) — явление, достаточно распространенное в русской поэзии XVII–XVIII вв. (их писали Симеон Полоцкий, Карион Истомирин, Мардарий Хоньков) и в полной мере соотносимое с эстетикой и поэтикой барокко. В Петровскую эпоху, когда была создана наша эпитафия, жанр надписи культивировался особо: стихотворные подписи делались к портретам, иконам, предметам прикладного искусства, архитектурным сооружениям.

Для икон, портретов, гравюр с изображением Димитрия Ростовского также характерны подписи, но заметим, что в основном словесное дополнение к иконам Димитрия Ростовского составляют тропарь, кондак, молитва святому, редким примером является краткий биографический текст или Духовная митрополита¹⁹.

Из стихотворных подписей можно привести следующие²⁰.

Вирши читаются на гравированном листе из собрания графа А. В. Олсуфьева (РНБ) [Зеленина, 2008: 403] и на эстампе

работы Филиппа Лебедева из собрания Церковно-археологического музея Московской духовной академии [Зеленина, 2006: 437]: «Первосвященник се! Святыи изображен, / что Духом Божиим измлада вдохновен...».

Стихотворные строки читаются и под одной из гравюр, выделенных Д. А. Ровинским: «Мы грѣшни к рацѣ твоей при- текаем / И с радостію твои мощи лобызаем»²¹.

Особо следует выделить вирши под гравированными портретами, имеющимися в рукописях. Например: «То пастырь добр и бодр города Ростова, / Муж силен в проповеди евангельска слова. / Вот его дрожайший труд первых тысящ лѣта. / Тут нравам учение: зрите, чада, свѣта»²²; или «Образ мужа премудра и свято поживша, / Дмитрия, житиям святых послуживша, / Тѣх жития списуя, премудрый явися, / Тѣм ревнуя, сам свят быти сподобися»²³.

Стихотворный текст на портрете-образе, присланном Федором Дубянским, отличается от приведенных выше виршей прежде всего своим объемом: надпись состоит из 52 строк с прозаическим заключением. Вирши написаны неравно- сложной силлабикой — от 12 до 15 слогов в строке, со свободным ударением (нач.: «Хотяй архиереа сего разум знати, / Жизнь, труды, изволь святых житиа читати...»)²⁴.

Эти вирши являются не чем иным, как стихотворной эпитафией, расцвет которой в России приходится на сер. XVIII — нач. XIX в. [Николаев, Царькова: 7–8], [Авдеев, 2020: 372–410].

Эпитафия на иконе-портрете Дмитрия Ростовского была написана в период между произнесением похвального слова Стефаном Яворским и созданием надписи М. В. Ломоносовым. Портрет Дмитрия Ростовского с виршами был прислан с Украины, автор вирш хорошо знал биографию ростовского митрополита — дату смерти, период служения в Сибири и Ростове, место захоронения и т. д. Однако в стихах ничего не сказано о чудесах от мощей ростовского митрополита, Дмитрий ни разу не назван в них святым, а потому этот текст был создан еще до канонизации Дмитрия Ростовского.

Некоторые исследователи приписывают авторство стихов на портрете, присланном в Ростов, духовнику императрицы Елизаветы Петровны Федору Дубянскому [Зеленина, 2007: 25].

Но Федор Дубянский сам сообщил в письме Арсению (Мацевичу), что он получил из Новгорода Северского от Арсения (Могилянского) портрет с уже «подписанныя под тѣм настоящим образом» стихами²⁵, а значит, к тексту этих вирш Федор Дубянский отношения не имеет.

Кто мог быть автором этих стихов? Вероятно, это был церковный деятель, хорошо знавший Димитрия Ростовского еще на Украине, а также литератор, искусный в сложении силлабических стихов. Безусловно, среди духовенства Украины, переживавшей в XVII — начале XVIII в. культурный подъем, такие претенденты могут быть найдены. Но возможно наиболее подходящей фигурой для этих стихов является Иоанн (Максимович), будущий митрополит Тобольский²⁶. Димитрий Ростовский и Иоанн (Максимович) были хорошо знакомы. 16 января 1697 г. Иоанн был хиротонисан во епископа Черниговского с возведением в сан архиепископа. До этого времени Иоанн (Максимович) возглавлял Черниговский Елецкий Успенский монастырь, а после него (с 20 июня 1699 г.) архимандритом монастыря стал Димитрий Ростовский²⁷. Иоанн (Максимович) был одним из самых известных украинских авторов поэтических сочинений, написанных силлабикой, его перу принадлежат: «Алфавит собранный, рифмами сложенный от святых писаний, из древних речений», «Зерцало от Писания Божественнаго» («Нравоучительное зеркало»), «Богородице Дево»²⁸, «Молитва “Отче наш”, на семь богомыслий расположенная», «Осмь блаженств евангельских», «Есть путник из Чернигова в Сибирь» и другие виршевые труды [Бусыгин, Э. П. Б.: 223–227]. В 1709 г., когда умер Димитрий Ростовский, Иоанн (Максимович) жил на Украине и оставался Черниговским архиепископом до 1711 г., т. е. до назначения на Тобольскую кафедру, и, конечно, он мог быть автором вирш на иконе Димитрия Ростовского. Но это предположение является только гипотезой, для доказательства которой требуются серьезные источниковедческие данные.

Эпитафия, написанная на портрете Димитрия Ростовского, безусловно, относится к украинской традиции, где у могил архиереев, ктиторов вешались их портреты с эпитафиями и фамильными гербами [Таирова-Яковлева: 172]²⁹. Примером

этому служит портрет Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского и Новгород-Северского (ум. в 1696 г.), в нижней части которого имеется эпитафия, написанная все тем же Иоанном (Максимовичем) [Скосырев: 15]. (Напомним, что и портрет Димитрия был передан из Новгорода Северского.) В Московской Руси наиболее показательными эпитафиями такого типа являются эпитафии холмогорским и важским архиепископам — Афанасию (Любимову-Творогову, ум. 1702 г.), Рафаилу (Краснопольскому, ум. в 1711 г.), Варнаве (Волатковскому, ум. в 1730 г.), Герману (Копцевичу, ум. в 1735 г.) и Аарону (Еропкину, ум. в 1738 г.): стихи написаны под надгробными портретами архиереев на северной стене Спасо-Преображенского собора Холмогор [Авдеев, 2017: 44, 49–54].

Это явление, без сомнения, отражает новую эстетику — эстетику барокко, которая «культивировала идею синтеза искусств», стихи жили в «атмосфере комплексной художественности», входили «в состав драматургических и музыкальных жанров», объединялись «с компонентами изобразительного искусства» [Сазонова: 228], что наиболее ярко отражено в разноплановой поэзии Симеона Полоцкого. В представленном выше «художественном комплексе» — стихотворной эпитафии, подписанной под портретом Димитрия Ростовского, конечно, не следует искать отклика и «ориентации на требования российского абсолютизма» [Робинсон: 20] петровского барокко, что можно обнаружить, как отмечалось выше, в двух других эпитафиях (Стефана Яворского и М. В. Ломоносова), но, безусловно, и в этом ансамбле (портрет-эпитафия) нашли свое выражение художественные явления барочного стиля: на уровне синтеза, соединения иконографического образа и подписи, иллюстрации и текста, слова и изображения.

Кроме того, дальнейшая судьба этой эпитафии в еще большей степени связана с явлениями новой культурной эпохи, в которой разные виды искусства не только дополняли друг друга, но и вели к расширению художественной выразительности, к созданию новых форм [Сазонова: 229–362], и не только к их взаимодействию, но и к их взаимозаменяемости, что важно для изучения поэтики жанров XVIII в.

Как уже отмечалось, подлинный портрет с подписью, не сохранился, но нам известно три списка этих виршей: Ростовский музей-заповедник. Р-828. Л. 221–221 об. [Круминг]; ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 2519. Л. 7–8 об.; Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 312 (Соф.). № 250. Л. 2–3 [Петров: 84]. Текст во всех трех списках стабилен и не имеет разночтений.

Таким образом, спустя некоторое время «иконный» поэтический текст получил самостоятельную рукописную традицию, воспроизводился и воспринимался отдельно от иконографического образца. Это был текст, из которого черпались сведения о жизни святителя Димитрия Ростовского. Конечно, в эпитафии, посвященной Димитрию, есть и «диалоговое» начало («Хотяя архиереа сего разум знати, / Жизнь, труды, изволь святых житиа читати...»), и общее прославление архиерея с призывом сохранить память о нем, но в ней также излагаются и основные этапы его биографии: пострижение в 18 лет («Осмьнадесятолѣтен бысть мних имѣ дѣло...»), служение на Украине (перечисляются все монастыри, где он был игуменом: «За труды бысть игумен в многих обителех: / В Свято-Спаской в Максаках, потом во Обмочевской / И в Киево-Печерской, и в Петропавловской, / В Глуховской, в Черниговѣ, потом Богомати / В Елецком главу его изволи вѣнчати...»), отмечается краткий сибирский период, избрание на ростовскую кафедру («В год сибирску, ростовску прави паству дану / Седьмь год без двоих мѣсяцей бодро и трезвенно...»), указывается точная дата смерти Димитрия («Преставись от жизни в день пятковый рано, / От Рождества Христова в год семьсот девятый / Октовриа двадесят осмаго дня взятый...»), место погребения («В напрестолном Ростовѣ градѣ преставися, / В Иакова святаго храмѣ положися») и т. д.³⁰ Таким образом, несмотря на наличие всех элементов жанра барочной силлабической эпитафии, данный текст можно назвать и своеобразным виршевым житием, агиографическим памятником, посвященным Димитрию Ростовскому. Такая интеграция вполне характерна для барочной культуры, в которой даже в храмовом пространстве, во время церковной службы могли исполняться, например, панегирические декламации [Сазонова: 335–340]: Димитрий Ростовский и сам был автором двух

таких декламаций — «На Воскресение Христово», «На погребение Христово плач», входящих в состав храмового действия [Жигулин].

Близость к житийному канону и агиографической топике А. Г. Авдеев отмечал уже в двух эпитафиях патриарху Никону, написанных архимандритом Германом [Авдеев, 2017: 42]. Житийная топика присутствует и в эпитафии Димитрию Ростовскому, в частности, например, он сравнивается со святыми — «як <...> святой винограда дѣлатель Христова», а также именуется «Христовым воином»³¹.

Нужно признать, что природа этих текстов совершенно иная, чем у виршевых житий кон. XVII — нач. XVIII в., которые, как справедливо отметила Е. А. Рыжова, остаются «редким явлением, и на сегодняшний день известны единичные примеры существования житий-виршей» [Рыжова: 195]³². Е. А. Рыжовой рассмотрены виршевые редакции житий севернорусских святых Антония Сийского, Никодима Кожеозерского, Логина Коряжемского³³, эти редакции вторичны, они созданы на основе уже существующих агиографических текстов. Так, источником для Виршевой редакции Жития Антония Сийского могло быть Житие «любой редакции, созданной к этому времени, в том числе Краткой и Проложной»; «основным источником Виршевой редакции Жития Никодима Кожеозерского является Пространная редакция памятника»; главным источником при создании стихотворной «Истории» о святом Логгине Коряжемском было Житие («Сказание») Логгина Коряжемского [Рыжова: 198, 213, 219].

Анализируемая нами эпитафия (как виршевое житие Димитрия Ростовского) была создана тогда, когда основные агиографические памятники, посвященные ему, еще не были написаны: не было Жития, сочиненного Арсением (Мацеевичем) в 1756–1757 гг., не было Краткого жития, написанного в 1760-е гг. и автором которого мог быть игумен Спасо-Яковлевского монастыря Лука, не было Синодального жития, опубликованного в 1786 г. [Федотова, 2009b], т. е. это был один из первых текстов, одно из первых агиографических сочинений, посвященных святителю Димитрию. Кроме того, это был текст, в котором обнаруживаются как агиографические атрибуты,

так и черты нового жанра, характерного для литературы Нового времени — жанра биографии. При этом в дальнейшем факты биографии из этого текста стали источником при создании других агиографических сочинений, посвященных Димитрию — Краткого жития Димитрия Ростовского и Жития, написанного Арсением (Мацеевичем), последний в своем агиографическом сочинении использовал две эпитафии: нашу эпитафию неизвестного автора в качестве источника биографических сведений о Димитрии и эпитафию, написанную Стефаном Яворским, в качестве похвального слова святителю Димитрию Ростовскому.

В заключение следует отметить, что данная эпитафия, посвященная Димитрию Ростовскому, весьма показательна как образец объединения, взаимодействия разных жанров и, в конечном итоге, как пример эволюции жанровой природы самого произведения. Кроме того, «трансформации», произошедшие в литературной истории этого текста — от эпитафии-подписи к портрету святителя Димитрия до самостоятельного «биографического» текста, характерны для всего корпуса агиографических памятников, посвященных ростовскому митрополиту. Эти тексты, возможно, одни из первых в русской литературе, которые, будучи написанными по законам средневековой литературы, имеют явные черты литературы Нового времени. Авторы житийных текстов святителю Димитрию еще следуют агиографическому канону, пишут по законам традиционного жанра, но их сочинения уже наполнены биографическими сведениями и тем самым отличаются от древнерусских текстов: это не только описание добродетельной жизни святого, но и биография известного писателя.

Примечания

- ¹ Текст эпитафии неоднократно издавался и комментировался, см. например: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко; подгот. текстов и коммент. С. И. Николаева. С. 368–369, 619. Эпитафия была широко представлена в рукописной традиции и со временем стала популярным духовным стихом (Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб.: Общественная польза, 1860. С. 203–204). Интересно отметить,

что старообрядцы, которые не почитали Димитрия Ростовского, использовали первую часть эпитафии Стефана Яворского в одноименной композиции «Взирай с прилежанием, тленный человец...», известной по настенным гуслицким листам и иконе «Бренность жизни» (Гуслицы, нач. XIX в.) [Мошина], [Звездина].

² См.: ОР РНБ. НСРК. Q. 480. Л. 240–241.

³ Цит. по: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи 1732–1764 гг. С. 646.

⁴ Здесь М. В. Ломоносов допускает ошибку: Димитрий родился не в 1650 г., а в 1651 г.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 646. В комментариях к тексту указано, что печатается по списку, хранящемуся в Ростовском музее-заповеднике. Впервые текст надписи был опубликован по писарской копии, находящейся в деле о сооружении раки (РГАДА. Ф. Госархив. Р. XVIII. № 175. Л. 87), Н. И. Новиковым (Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1772. С. 60–61). Н. И. Новиков при публикации не указал ее автора, документально также нигде не было зафиксировано, что авторство этой надписи принадлежит М. В. Ломоносову. Впервые ее приписал Ломоносову архимандрит Дамаскин (Семенов-Руднев) (см.: Ломоносов М. В. Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе. М., 1778. Кн. 1. С. 301–302), известный своей тщательнейшей атрибуцией произведений М. В. Ломоносова, после чего авторство надписи никем не оспаривалось (см. подробнее: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 1089). Текст надписи датируется промежутком времени с 13 декабря 1757 года, когда советник Монетной канцелярии И. А. Шлаттер предложил профессору Я. Я. Штелину составить проект украшений к серебряной раке Димитрия Ростовского, по апрель 1758 г., когда было завершено гравирование надписи на серебряной доске.

⁶ Федор Яковлевич Дубянский (1691–1769) происходил из дворянского рода, был выходцем из украинского духовенства, стал духовником Елизаветы Петровны, когда она была еще цесаревной. Будучи локким и искусным царедворцем, он сохранил свое влияние и после смерти Елизаветы Петровны: при императоре Павле III и после воцарения Екатерины II. Считается, что Федор Дубянский не оставил после себя никакого литературного наследия, хотя, по свидетельствам современников, духовник Елизаветы Петровны был хорошим проповедником [Анисимов: 317].

⁷ Дискуссионным является вопрос, к какому художественному жанру относить эти портреты — портрет-икона, парсуна, просто портрет [Зарицкая: 153–154].

⁸ Имеется в виду Арсений (Могилянский), митрополит Киевский и Галицкий (1704–1770).

- ⁹ Этим искусным мастером, возможно, стал П. Ротари, выполнивший портрет Димитрия. Можно предположить, что именно о портрете Ротари Федор Дубянский писал Арсению (Мацеевичу) в другом письме от 29 июля 1758 г.: «А о образѣ святителя Христова Димитрия Вашему Преосвященству доношу: оной написан с подлинника и давно готов, токмо не было надежной оказии, а нынѣ имѣю к Вашему Преосвященству переслать с Преосвященным Варфоломеем, Епископом Вятским...» (см.: Ярославские епархиальные ведомости. 1894. Часть неофиц. № 24. С. 380). Ср.: «...пред ракою у подножия святителя поставлен в серебряной раме образ его, писанный на холсте в 1759 г. граф. Ратари» (см.: Летописец о ростовских архиереях. С примеч. чл.-корр. А. А. Титова. СПб., 1890. С. XI). Судьба этого образа-оригинала П. Ротари в настоящее время неизвестна.
- ¹⁰ Ярославские епархиальные ведомости. 1894. Часть неофиц. № 24. С. 375.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство Государственного архива Российской империи). Д. 175 (Об обретении святых мощей преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского). Л. 111.
- ¹² РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство Государственного архива Российской империи). Д. 116 (Письма к императрице Елизавете от Арсения, архиепископа Переяславского, а потом Черниговского, 1744–1757). Л. 2–2 об. Документы свидетельствуют, что портрет был передан не из Киева, а из Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря. Ср.: [Зеленина, 2007: 23]. Эта путаница могла произойти из-за того, что портрет был передан 26 июля 1757 г., а 22 октября 1757 г. Арсений был назначен Киевским митрополитом. Возможно, сам портрет (или его копия) был возвращен в Киев, когда Арсений уже занимал Киевскую митрополию. Таким образом, портрет Димитрия Ростовского, присланный из Новгорода-Северского, может рассматриваться как еще один образец черниговской живописи [Адруг].
- ¹³ Портрет опубликован в каталоге: Православная икона России, Украины, Беларуси: каталог выставки. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2008. С. 118–119.
- ¹⁴ Думается, что данный образ не стоит смешивать с «изображением св. Димитрия, митрополита Ростовского, снятого с древнего портрета в церкви бывшего Кирилловского монастыря», так как, согласно «Описи предметов Ростовского музея церковных древностей за 1922–1923 гг.», оно было выполнено в 1825 г. [Федорова: 52].
- ¹⁵ Иконография Димитрия Ростовского, как отмечают искусствоведы, в ряду изображений других святых, прославленных в Новое время, выделяется богатством и многообразием жанров и изводов, получивших распространение в разных видах искусства [Малков], [Братчикова], [Мельник, 2000]. С другой стороны, отметим, что в иконописных подлинниках статьи с описанием святого Димитрия Ростовского единичны, см., например, запись под 21 сентября: «Рус, брада подолѣ Иоанна Златоуста, на главѣ шапка или клубук в сакошь» (ОР РНБ. ОЛДП. Ф. 110. Л. 4 об.).

- ¹⁶ Монументальный киот вместе с великолепной серебряной ракой в стиле барокко был выполнен по заказу императрицы Елизаветы Петровны, а привезен и установлен (в него были переложены мощи святого) в Троицком соборе Ростовского Яковлевского монастыря в 1763 г. при Екатерине II, что входило в общую программу по обновлению интерьера храма в связи необыкновенно высоким статусом культа святого Димитрия. Императрица Елизавета послала графу П. И. Шувалову указ: сделать «по апробованному нами чертежу» к мощам св. Димитрия серебряную раку из серебра, полученного с Колывано-Воскресенских заводов. 15 августа 1759 г. рака была доставлена в Санкт-Петербург и поставлена в Александро-Невском монастыре. При Екатерине Великой вместе с майором Шадеевым рака была отправлена в Ростов с требованием Арсению (Мацеевичу), чтобы «без присутствия Ея Величества оная рака отнюдь поставлена не была» [Титов: 9]. По мнению А. Г. Мельника, изучавшего данный, «исключительный по богатству и выразительности ансамбль», он «являлся одной из вершин сакрального искусства эпохи барокко и рококо. В данном отношении ближайшим стилистическим и смысловым аналогом ему являлся надгробный комплекс 1750–1753 гг. св. Александра Невского в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга» [Мельник, 2008: 63].
- ¹⁷ ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 2519. Л. 7. Ср. запись об иконе в другой рукописи: «От государева духовника протоиерея Дубянского присланная, в кладу имеющейся в теплой церкви под образом святителя Димитрия, изображенном на картине, имеется надпись следующего содержания...» (Ростовский музей-заповедник. Р-828. Л. 221).
- ¹⁸ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). № 222. Л. 424.
- ¹⁹ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки: [в 5 кн.]. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1881. Кн. 3. С. 591–593.
- ²⁰ Отметим, что под портретом Саввы Туптало, отца Димитрия Ростовского, который сейчас хранится в Черниговском областном музее (Ж-171), также имеются вирши, приписываемые самому святителю [Пархоменко], [Марголина: 216]. См. издание этих вирш: Киевская старина. 1882. Т. 3. Июль. С. 197; Українська поезія. Середина XVII ст. / упор. В. І. Крехотень, М. М. Сулима. Київ, 1992. С. 329.
- ²¹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. С. 577.
- ²² ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 657 — рукопись содержит «Келейный летописец» Димитрия Ростовского. Стихи под портретом, помещенным перед текстом, комментируют именно этот труд митрополита.
- ²³ ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 183. Л. 1. Сборник с проповедями Димитрия Ростовского.
- ²⁴ ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 2519. Л. 7–8 об. Текст виршей опубликован: Письма святителя Димитрия Ростовского Новгородскому митрополиту Иову. Выписано из третьей рукописной Яковлевскаго монастыря книги, в коей записаны остальные сочинения святителя Димитрия и некоторые случившиися с ним события за последние

годы его жизни. Сообщены преосвященным Амфилохием, епископом угличским. Из № 24 «Московских церковных ведомостей» 1888 г. М., 1888. С. 4–5. См. также публикацию: [Федотова, 2009а: 79–80].

²⁵ Ярославские епархиальные ведомости. 1894. Часть неофиц. № 24. С. 375.

²⁶ Иоанн (Максимович) Тобольский (1651–1715) — игумен Елецкого Успенского Черниговского монастыря (1695–1696), архимандрит Черниговский (1697–1711), митрополит Тобольский и всяя России (1711–1715). Иоанн Тобольский активно занимался просвещением. Так, будучи черниговским архимандритом, основал Черниговскую коллегию, поддерживал типографию при Болдинском Троицком Ильинском монастыре, в которой издавал свои сочинения, а будучи тобольским митрополитом организовал Пекинскую духовную миссию (1715). Он был автором большого числа нравственно-дидактических трудов, среди которых особенно выделяется «Илиотропион, то есть Подсолнечник, представляющий сообразование человеческой воли с Божественной, переложенный с латинского на славяно-русский язык...» (основу «Илиотропиона» составляет сочинение Иеремии Дрекслея «*Heliotropium, seu conformatio humanae voluntatis cum divina*» (1627)). Иоанн (Максимович) был канонизирован в 1916 г. [Бусыгин, Э. П. Б.].

²⁷ Об этом сказано в «Диариуше» (автобиографическом сочинении) Димитрия Ростовского, см.: ОР РНБ. Q.IV.186. Л. 21 об. — 22.

²⁸ Димитрий Ростовский, однако, считал, что Иоанн (Максимович) не отличался поэтической даровитостью, а только раздражал современников своим силлабическим «многписанием» [Николаев: 5, 96–99]. По поводу сочинения Иоанна (Максимовича) «Богородице Дево» (в основе этого сочинения лежит «Руно орошенное» ростовского митрополита) Димитрий даже с неудовольствием писал в 1707 г. Стефану Яворскому: «Книга вѣршов печатних прислана мнѣ, Бог дал тем вѣршописом друкарню и охоту, и денги, и свободное житие. Мало кому потребньи вещи на сѣт происходят...» [Федотова, 2005: 142]. Возможно, Димитрий был и автором стихов на польском языке, записанных на обороте нижней крышки переплета авторской рукописи (ОР ГИМ. Синадальное собр. № 187) «*Notata per Alphabetum*», в которых он также критикует «стихоплетство» Иоанна (Максимовича).

²⁹ Согласно этой традиции было оформлено и погребение отца Димитрия Ростовского.

³⁰ ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 2519. Л. 7–8 об.

³¹ Там же. Л. 7–7 об.

³² Безусловно, начало этой традиции положено Стишным Прологом, известным на Руси с XIV в., а продолжено, видимо, виршевыми месясцесловами XVIII в. [Люстров], [Фет], [Щеглова], [Чистякова, 2012; 2013], [Новикова].

³³ Е. А. Рыжова пишет также о кратких, в 12 строк, стихах-виршах, посвященных Иакову Ростовскому [Рыжова: 195]. Т. Б. Карбасова указывает на виршевое предисловие к Житию Кирилла Новоезарского [Карбасова: 167–168].

Список литературы

1. Авдеев А. Г. Идеальная стихотворная эпитафия для идеального архипастыря: из века XVII в век XVIII // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История, История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 41–62.
2. Авдеев А. Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: дис. ... д-ра. истор. наук. М., 2020. 2216 с.
3. Анисимов Е. В. Федор Яковлевич Дубянский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 16. С. 317–319.
4. Братчикова Е. К. Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 436–440.
5. Бусьгин В. В. (прот. Борис Пивоваров), Э. П. Б. Иоанн (Максимович Иван) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. Т. 23. С. 219–230.
6. Жигулин Е. В. Источниковедение театра святителя Димитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994. С. 139–145.
7. Зарицкая О. И. Портрет святителя Димитрия Ростовского из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника // История и культура Ростовской земли. 2011. Ростов, 2012. С. 148–154.
8. Звездина Ю. Н. Некоторые особенности иконографии старообрядческого лубка XIX века // Христианство и Север. М.: Демиург-арт, 2002. С. 197–203.
9. Зеленина Я. Э. Житие и чудеса святителя Димитрия в иконописи и печатной графике // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века. Ростов: Рыбинский дом печати, 2006. С. 318–337, 437–443.
10. Зеленина Я. Э. Димитрий Ростовский. Иконография // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 23–30.
11. Зеленина Я. Э. Иконография святителя Димитрия Ростовского: взаимовлияние живописи, иконописи и графики // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 2008. С. 399–418.
12. Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 559 с.
13. Киселева М. С. Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: к вопросу об истоках исторического знания в России // VOX: Философский журнал. 2014. № 17. С. 1–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennaya-i-grazhdanskaya-istoriya-v-kontekste-knizhnoy-barochnoy-propovedi-k-voprosu-ob-istokah-istoricheskogo-znaniya-v-rossii/viewer> (21.06.2021).

14. Круминг А. А. Сборник произведений святого Димитрия Ростовского (рукопись Ростовского музея № 828) // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 69–91.
15. Люстров М. Ю. Вирши в «Службе и житии Иоанна Воина» Кариона Истомина // Мир житий: сб. материалов конф. (Москва, 35 октября 2001 г.). М.: РФК «Имидж-Лаб», 2002. С. 271–278.
16. Малков Ю. Портрет Димитрия Ростовского из собрания Троице-Сергиевой лавры // Русское искусство XVIII в.: материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 130–139.
17. Марголина И. Е. Святитель Димитрий в истории Кирилловского монастыря // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 2008. С. 203–218.
18. Мельник А. Г. Икона Димитрия Ростовского с 36 клеймами посмертных чудес // Ученский сборник. Мышкин, 2000. Вып. 2: материалы Второй научной конференции «На земле святого Кассиана». С. 35–44.
19. Мельник А. Г. История интерьера Троицкого (Зачатьевского) собора Ростовского Яковлевского монастыря в XVIII — начале XX веков // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2008. Вып. 17. С. 57–98.
20. Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов // М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 5–58. (Библиотека поэта; Большая серия.)
21. Мошина Т. А. «Взираи с прилежанием, тленный человек» Стефана Яворского: к истории создания, географии и форм бытования // Мир старообрядчества. М.: Росспэн, 1998. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества: мат-лы международной науч. конференции. С. 445–452.
22. Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 152 с.
23. Николаев С., Царькова Т. Три века русской эпитафии // Русская стихотворная эпитафия / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С. И. Николаева и Т. С. Царьковой. СПб.: Академический проект, 1998. С. 5–44.
24. Новикова О. Л. К изучению Стишного пролога середины XV века из Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 12. С. 3–28.
25. Пархоменко Н. В. Портреты свт. Димитрия Ростовского и его отца Саввы Туптало в собрании Национального художественного музея Украины // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы. Ростов: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 2008. С. 387–394.
26. Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М.: Университетская типография, 1904. Вып. 3: Библиотека Киево-Софийского собора. IV, 308, LVIII с.
27. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 407 с.

28. Рыжова Е. А. Виршевые редакции севернорусских житий // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 195–235.
29. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
30. Скосырев Н., свящ. Очерк жития митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича (1651–1715). М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1892. 76 с.
31. Сукина Л. Б. «Эпитафия Димитрию Ростовскому» Стефана Яворского в контексте религиозной культуры переходного времени // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005. С. 125–133.
32. Таирова-Яковлева Т. Г. Повседневная жизнь, досуг и традиции казацкой элиты украинского гетманства. СПб.: Алетейя, 2016. 198 с.
33. Титов А. А. Святой Димитрий митрополит Ростовский // Русский архив. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1895. Вып. 5. С. 5–16.
34. Федорова М. М. Димитрий Ростовский. Иконография в собрании Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 2. С. 48–70.
35. Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М.: Индрик, 2005. 384 с.
36. Федотова М. А. Димитрий Ростовский в русской поэзии (к 300-летию со дня смерти святого) // Русская литература. СПб.: Наука, 2009. № 4. С. 72–85. (а)
37. Федотова М. А. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. 60. С. 150–182. (б)
38. Фет А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). С. 376–381.
39. Чистякова М. В. О родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного пролога // Slavistica Vilnensis. Vilnius, 2012. № 57 (2). С. 33–44.
40. Чистякова М. В. О редакциях церковнославянского Пролога // Slavistica Vilnensis. Vilnius, 2013. № 58 (2). С. 35–58.
41. Щеглова О. Г. О Стишном прологе и задачах его изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 9. С. 105–110.
42. Адруг А. К. Живопис Чернігова другої половини XVII — початку XVIII століть. 2-е вид. Чернівці, 2013. 181 с.

References

1. Avdeev A. G. Ideal Poetic Epitaph for Ideal Preacher: from the 17th Century to the 18th Century. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [St. Tikhon's University Review. Series 2: History, History of the Russian Orthodox Church]*, 2017, issue 74, pp. 41–62. (In Russ.)

2. Avdeev A. G. *Pamyatniki lapidarnoy epigrafiki kak istochnik po istorii i kul'ture Moskovskoy Rusi: dis. ... d-ra ist. nauk* [Monuments of Lapidary Epigraphy as a Source on the History and Culture of Moscow Rus'. PhD. hist. sci. diss.]. Moscow, 2020. 2216 p. (In Russ.)
3. Anisimov E. V. Fyodor Yakovlevich Dubyansky. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2007, vol. 16, pp. 317–319. (In Russ.)
4. Bratchikova E. K. Parsun “Dimitry, the Metropolitan of Rostov and Yaroslavl”. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1993, vol. 46, pp. 436–440. (In Russ.)
5. Busygin V. V. (Archpriest Boris Pivovarov), E. P. B. John (Maksimovich Ivan). In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2010, vol. 23, pp. 219–230. (In Russ.)
6. Zhigulin E. V. Source Study of the Theatre of Holy Bishop Dimitry of Rostov. In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 1993* [History and Culture of the Rostov Land. 1993]. Rostov, 1994, pp. 139–145. (In Russ.)
7. Zaritskaya O. I. The Portrait of St. Dimitry of Rostov from the Collection of the Sergiev Posad Museum-Reserve. In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 2011* [History and Culture of the Rostov Land. 2011]. Rostov, 2012, pp. 148–154. (In Russ.)
8. Zvezdina Yu. N. Some Features of the Iconography of Old Believer Lubok of the 19th Century. In: *Khristianstvo i Sever* [Christianity and the North]. Moscow, Demiurg-art Publ., 2002, pp. 197–203. (In Russ.)
9. Zelenina Ya. E. Life and Miracles of St. Dimitry in the Icon Painting and the Printed Graphics. In: *Rostovskiy Arkhιεreyskiy dom i russkaya khudozhestvennaya kul'tura vtoroy poloviny XVII veka* [The Rostov Archbishop House and Russian Artistic Culture of the Second Half of the 17th Century]. Rostov, Rybinskiy dom pečati Publ., 2006, pp. 318–337, 437–443. (In Russ.)
10. Zelenina Ya. E. Dimitry of Rostov. Iconography. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2007, vol. 15, pp. 23–30. (In Russ.)
11. Zelenina Ya. E. The Iconography of St. Dimitry of Rostov: the Interplay of Painting, Icon Painting and Graphics. In: *Svyatitel' Dimitriy, mitropolit Rostovskiy: issledovaniya i materialy* [St. Dimitry, the Metropolitan of Rostov: Research and Materials]. Rostov, Spaso-Yakovlevsky Dimitriev Monastery Publ., 2008, pp. 399–418. (In Russ.)
12. Karbasova T. B. *Kirill Novoezerskiy: istoriya pochitaniya* [Kirill Novoezersky: History of Veneration]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2011. 559 p. (In Russ.)
13. Kiseleva M. S. Sacred and Civil History in the Context of Baroque Sermon: to the Question of the Beginning of Historical Knowledge in Russia. In: *VOX: Filosofskiy zhurnal* [VOX: Journal of Philosophy], 2014, no. 17, pp. 1–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennaya-i-grazhdanskaya-istoriya-v-kontekste-knizhnoy-barochnoy-propovedi-k-voprosu-ob-istokah-istoricheskogo-znaniya-v-rossii/viewer/> (accessed on June 21, 2021). (In Russ.)

14. Kruming A. A. Collection of Works of St. Dimitry of Rostov (Manuscript of the Rostov Museum no. 828). In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 1992* [*History and Culture of the Rostov Land. 1992*]. Rostov, 1993, pp. 69–91. (In Russ.)
15. Lyustrov M. Yu. The Verses in “The Service and the Life of John the Warrior” by Karion Istomin. In: *Mir zhitiy: sbornik materialov konferentsii (Moskva, 3–5 oktyabrya 2001 g.)* [*World Lives. Collection of Materials Conference (Moscow, October 3–5, 2001)*]. Moscow, RFK Imidzh-Lab Publ., 2002, pp. 271–278. (In Russ.)
16. Malkov Ju. The Portrait of Dimitry of Rostov from the Collection of the Trinity-Sergius Lavra. In: *Russkoe iskusstvo XVIII v.: materialy i issledovaniya* [*Russian Art of the 18th Century: Materials and Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 130–139. (In Russ.)
17. Margolina I. E. St. Dimitry in the History of the Cyril Monastery. In: *Svyatitel' Dimitriy, mitropolit Rostovskiy: issledovaniya i materialy* [*St. Dimitry, the Metropolitan of Rostov: Research and Materials*]. Rostov, Spaso-Yakovlevsky Dimitriev Monastery Publ., 2008, pp. 203–218. (In Russ.)
18. Mel'nik A. G. The Icon of Dimitry of Rostov with 36 Border Scenes of Posthumous Miracles. In: *Uchemskiy sbornik* [*Uchemsky Collection*]. Myshkin, 2000, issue 2: Proceedings of the Second Scientific Conference “In the Land of Saint Cassian”, pp. 35–44. (In Russ.)
19. Mel'nik A. G. History of the Interior of the Trinity (Zachat'evskiy) Cathedral of the Rostov Yakovlevsky Monastery in the 18th — Early 20th Centuries. In: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya* [*Reports of the Rostov Museum*]. Rostov, 2008, issue 17, pp. 57–98. (In Russ.)
20. Morozov A. A. Mikhail Vasilievich Lomonosov. In: *M. V. Lomonosov. Izbrannye proizvedeniya* [*M. V. Lomonosov. Selected Works*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986, pp. 5–58. (Poet's Library; Large Series.) (In Russ.)
21. Moshina T. A. “Look with Diligence, Perishable Man” by Stefan Yavorsky: to the History of Creation, Geography and Forms of Existence. In: *Mir staroobryadchestva* [*The World of the Old Believers*]. Moscow, Rosspen Publ., 1998, issue 4: Living Traditions: Results and Prospects of Comprehensive Research of Russian Old Believers, pp. 445–452. (In Russ.)
22. Nikolaev S. I. *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [*The Literary Culture of the Time of Peter the Great*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996. 152 p. (In Russ.)
23. Nikolaev S., Tsar'kova T. Three Centuries of Russian Epitaph. In: *Russkaya stikhotvornaya epitafiya* [*Russian Poetic Epitaph*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998, pp. 5–44. (In Russ.)
24. Novikova O. L. To the Study of the Verse Prologue of the Middle of the 15th Century from the Kirillo-Belozersky Monastery. In: *Vestnik «Al'yans-Arkheo»*. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2015, issue 12, pp. 3–28. (In Russ.)

25. Parkhomenko N. V. Portraits of St. Dimitry of Rostov and His Father Savva Tuptalo in the Collection of the National Art Museum of Ukraine. In: *Svyatitel' Dimitriy, mitropolit Rostovskiy: issledovaniya i materialy* [St. Dimitry, the Metropolitan of Rostov: Research and Materials]. Rostov, Spaso-Yakovlevsky Dimitriev Monastery Publ., 2008, pp. 387–394. (In Russ.)
26. Petrov N. I. *Opisanie rukopisnykh sobraniy, nakhodyashchikhsya v gorode Kieve* [The Description of the Manuscript Collections Located in the City of Kiev]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1904, issue 3: the Library of the Kiev-Sophia Cathedral. 308 p. (In Russ.)
27. Robinson A. N. *Bor'ba idey v russkoy literature XVII veka* [Struggle of Ideas in Russian Literature of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 407 p. (In Russ.)
28. Ryzhova E. A. The Verse Editions of the Northern Russian Lives. In: *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian Hagiography: Research. Publications. Controversy]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, pp. 195–235. (In Russ.)
29. Sazonova L. I. *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [The Literary Culture of Russia. Early Modern Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 896 p. (In Russ.)
30. Skosyrev N., Priest. *Ocherk zhitiya mitropolita Tobol'skogo i vseya Sibiri Ioanna Maksimovicha (1651–1715)* [Essay on the Life of Metropolitan of Tobolsk and All Siberia, John Maksimovich (1651–1715)]. Moscow, Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K° Publ., 1892. 76 p. (In Russ.)
31. Sukina L. B. “The Epitaph to Dimitry of Rostov” by Stefan Yavorsky in the Context of the Religious Culture of the Transition Period. In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 2004* [History and Culture of the Rostov Land. 2004]. Rostov, 2005, pp. 125–133. (In Russ.)
32. Tairova-Yakovleva T. G. *Povsednevnyaya zhizn', dosug i traditsii kazatskoy elity ukrainskogo getmanstva* [Everyday Life, Leisure and Traditions of the Cossack Elite of Ukrainian Hetmanate]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2016. 198 p. (In Russ.)
33. Titov A. A. St. Dimitry, the Metropolitan of Rostov. In: *Russkiy arkhiv* [Russian Archive]. Moscow, the Lazarev Institute of Oriental Languages Publ., 1895, issue 5, pp. 5–16. (In Russ.)
34. Fedorova M. M. St. Dimitry of Rostov. The Iconography in the Collection of the Rostov Museum. In: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya* [Reports of the Rostov Museum]. Rostov, 1991, issue 2, pp. 48–70. (In Russ.)
35. Fedotova M. A. *Epistolyarnoe nasledie Dimitriya Rostovskogo: issledovanie i teksty* [Epistolary Heritage of Dimitry of Rostov: Research and Texts]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 384 p. (In Russ.)
36. Fedotova M. A. St. Dimitry of Rostov in Russian Poetry (to the 300th Anniversary of the Death of the Saint). In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, no. 4, pp. 72–85. (In Russ.) (a)

37. Fedotova M. A. The Life of Saint Dimitry of Rostov (to the Question of the History of the Text). In: *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009, vol. 60, pp. 150–182. (In Russ.) (b)
38. Fet A. Prologue. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the Scribes and Literature of Ancient Rus']. Leningrad, Nauka Publ., 1987, issue 1, pp. 376–381. (In Russ.)
39. Chistyakova M. V. On the Relationship Between the Kirillo-Belozersky and Moscow Editions of the Versed Synaxarion. In: *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 2012, no. 57 (2), pp. 33–44. (In Russ.)
40. Chistyakova M. V. On the Editions of the Church Slavonic Prologue. In: *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 2013, no. 58 (2), pp. 35–58. (In Russ.)
41. Shcheglova O. G. About Stishnoi Prolog and Tasks of its Study. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2011, vol. 10, issue 9, pp. 105–110. (In Russ.)
42. Adrug A. K. *Zhivopis Chernigova drugoi polovini XVII — pochatku XVIII stolit'* [Painting of Chernihiv in the Second Half of the 17th — Beginning of the 18th Centuries]. Chernihiv, 2013. 181 p. (In Ukrain.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Федотова Марина Анатольевна, *Marina A. Fedotova*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Senior Researcher, The Institute of Russian старший научный сотрудник, Ин- Literature (Pushkinskiy Dom), The Russian ститут русской литературы (Пуш- Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Fede- кинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, g. Санкт-Петербург, Российская rация, 199034); ORCID: 0000-0001-5167-3414; Федерация, 199034); ORCID: 0000- e-mail: fedotova_m@mail.ru. 0001-5167-3414; e-mail: fedotova_m@ mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 06.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.09.2021

Принята к публикации / Accepted 15.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.11.2021